

M. Вендитти

ВОПРОС О РЕФОРМЕ ОРФОГРАФИИ В ЭМИГРАЦИИ
(Н.К. КУЛЬМАН И Ф.А. БРАУН)

Реформа русской орфографии 1917–1918 гг., в связи с которой изменились правила правописания и были упразднены некоторые буквы алфавита, вызвала бурные дискуссии. Несмотря на то что первые попытки в этом направлении начались еще в конце XIX в. в Академии наук, реформа сразу же получила клеймо большевизма. Филологи, писатели, философы, педагоги, языковеды — как в России, так и в эмиграции — принимали активное участие в острой распре, которая не прекращается до сих пор. О широком резонансе данного вопроса свидетельствует огромное количество материала, разбросанного по газетам, журналам, мемуарам, статьям, не говоря уже о книгах. В эмиграции новое правописание было отвергнуто особенно резко как символ большевизма, и большая часть печати не принимала его вплоть до 40–50-х гг. XX в.

В данной полемике противники реформы отождествляют орфографию с языком как прочным носителем культуры, исторической традиции и в особенности религиозных ценностей России. Защитники, наоборот, видят в реформе лишь внешнее изменение, которое упрощает правописание и делает образование более доступным для всех. Для сторонников реформы язык находится в постоянном развитии, связан с историческим и культурным изменением страны. В этом контексте оппозиция «сложно» — «просто» влечет за собой политические и лингвистические оценки. Чтобы показать особенно резкий тон дискуссии, приведем несколько примеров. Среди первых реакций — статья Вячеслава Иванова «Наш язык» (1918–1920), написанная для невышедшего сборника «Из глубины» и впервые опубликованная только в 1976 г. в журнале «Границы» [Иванов 1976]. В ней философ полемизирует с П.Н. Сакулиным, автором книги «Реформа русского правописания» (Пг., 1917). Последний защищает реформу и одобряет упрощение русской орфографии, которое он определяет как «секуляризацию правописания». Иванов, наоборот, осуждает реформу, подчеркивая эстетическую сторону русского языка со своим прошлым, его культурно-историческую насыщенность, и прежде всего его религиозные корни: «Язык наш неразрывно сросся с глаголами церкви: мы хотели бы его обмирщить. <...> Нет, не может быть обмирщен в глубинах своих русский язык!» [Иванов 1991, с. 359, 360].

В дневнике И. Бунина, в записи от 24 апреля 1919 г., есть хрестоматийно известное изречение по этому вопросу: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что

никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» [Бунин 1935, т. 10, с. 120]. Позже — в 1926 г. — писатель добавляет: «...по ней написано всё самое злое, низкое и лживое, что только было написано на земле <...> она (реформа) заборная, объявленная невеждой и хамом. <...> Именно “невежда и хам”, то есть большевик, приказал под страхом смертной казни употреблять только эту орфографию» [Бунин 1988, с. 232–233].

В 1928 г. Д.С. Лихачев был арестован и осужден на пять лет заключения в концлагере на Соловках, в том числе и за полуутыльный доклад с названием: «Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической русской орфографии, попранной и искаженной врагом церкви христовой и народа российского» [Лихачев 1993, с. 6–14].

В настоящей статье я бы хотела сопоставить два мнения о реформе правописания: Николая Карловича Кульмана (1871–1940) и Федора Александровича Брауна (1862–1942). Это сопоставление интересно тем, что на первый взгляд ученые во многом схожи: оба академики, известные филологи, языковеды, педагоги, оба находятся в эмиграции после революции: Н.К. Кульман — в Париже, Ф.А. Браун — в Лейпциге. Между тем именно в эмиграции вопрос о новом правописании принял характер чисто политический, т. е. связанный с «новой Россией». Подход Брауна и Кульмана к данной теме является принципиально научным, но выводы они делают совершенно разные. Что касается Ф.А. Брауна, то с полной уверенностью можно утверждать, что он был за реформу по вполне рациональным и научным причинам, а вот позиция Н.К. Кульмана — более сложная и отчасти противоречивая.

Федор Браун, филолог-германист, 10 мая 1921 г. опубликовал в берлинской газете «Руль» статью под названием «Новая орфография» [Браун 1921]. Статья же Николая Кульмана «О русском правописании» появилась в 1923 г. в журнале «Русская мысль» [Кульман 1923]. После Октябрьской революции Браун работал в методических комиссиях Наркомпроса по реформе педагогического образования. Кульман, в свою очередь, был одним из участников орфорграфической подкомиссии при Академии наук, следовательно, его историческая и теоретическая статья — рассказ прямого участника в деле реформы.

Рассмотрим подробнее позиции Брауна и Кульмана в вопросе о новом правописании.

Статья Брауна сопровождается редакционной заметкой, в которой резюмируются события, связанные с реформой, подчеркивается резкий тон ее обсуждения и насильственный способ введения новых правил большевиками; согласно редакции «Руля», дискуссия о реформе имеет принципиальную важность, особенно для будущего, т. е. «после неизбежного падения большевиков».

Браун фактически полемизирует с редакционным введением; сначала он называет цель своей статьи: «...попытаться рассеять ряд недоразумений, вносящих совершенно излишнюю остроту в споры о ней (реформе). В самом деле, частенько в этих спорах слышится нота чуть не политическая: новая реформа отвергается, как одно из новшеств последнего периода русской жизни, как большевистская затея, которая уже по одному тому неприемлема, что она — большевистская» [Браун 1921, с. 2].

Простая историческая справка, продолжает Браун, может легко прояснить недоразумение: обсуждение возможности реформировать алфавит и правописание началось в Академии наук, но реформа была проведена при Временном правительстве, когда министром народного просвещения был Мануйлов, откуда пошло ироническое название нового алфавита — «мануйлица».

Автор утверждает, что принятие реформы и введение ее в жизнь явилось нормальным актом подчинения правительству и без протеста было признано всей Россией. Он упоминает, что «...было намечено переходное время, лишь по истечении которого новое правописание должно было стать общеобязательным, по крайней мере в школе» [Браун 1921, с. 2]. И действительно, в Декрете о введении нового правописания 23 декабря 1917 г. за подписью Луначарского мы читаем: «Во всех школах республики переход к новому правописанию должен быть произведен согласно следующим основаниям:

1) Реформа правописания проводится постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы.

2) При проведении реформы не может быть допущено принудительного переучивания тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания»¹.

С другой стороны, Браун отмечает, что «...правительство слишком ускорило темп ее проведения и резче формулировало обязательность новых правил в казенной переписке и в печати», но заключает: «Существо же дела осталось старое. А это существо, на мой взгляд, не должно бы вызывать неприязни, от кого бы реформа ни исходила» [Там же]. Она, продолжает Браун, хорошо отвечает на закон экономии языка, потому что «...устраняет ряд устарелых явлений, давно ставших бессмысленными, и тем значительно облегчает усвоение орфографических правил, — стало быть, она и педагогически разумна. Казалось бы, что этого достаточно для принятия дальнейшей реформы без протеста» [Там же]. Возражения против реформы, кроме чисто политических, согласно Брауну, опираются на два аргумента: сохранение традиции и личных навыков. Филолог сразу же опровергает распространенное особенно в эмигрантской среде идеологическое возражение: «...какая же “идея” в орфографии? Поверьте, никакой идеи в ней нет; есть только форма, по существу совершенно безразличная, и дело осложняется здесь лишь тем, что ею, как сказано, определяется наше эстетическое восприятие печатного слова. <...> Вообще надо помнить, что орфография всегда представляет условную, более или менее произвольную форму, которая по существу никакой связи с облекаемым в нее звуковым содержанием не имеет и передает последнее лишь весьма грубо. Никогда и нигде письмо не выражало всех оттенков речи; никто никогда не пишет так, как произносит. Строго говоря, совершенно безразлично, как пишет человек, — лишь бы написанное им понималось читающим без труда» [Там же]. Традиция, продолжает Браун, укрепила употребление (узус) русского языка в его фоническом аспекте, но, в отличие от английского языка, развивалась более медленно, и не существует такой значительной разницы между писанием и произношением. Таким образом, со временем некоторые буквы оказались лишними, т. е. «ер», «ять», «фита» и «и десятеричное»: «Принципиальных или идейных воз-

---

¹ <http://www.russportal.ru/index.php?id=oldorth.decret1917> (дата обращения: 06.02.14).

ражений против этого быть не могло, ибо принципы, повторяю, тут не при чем: единственным мерилом в вопросах правописания — при общей условности последнего — может и должна быть техническая целесообразность, упрощение и облегчение усвоения правил» [Браун 1921, с. 3].

Орфографический вопрос — это вопрос чисто практический; он не является ни научным, ни тем более политическим. Кто если не правительство, спрашивает Браун, должно объявлять распоряжение, которое как закон должно быть обязательно для всех? Он приводит пример Германии, где реформа орфографии вводилась в 1873 г. и в 1903 г.

Изменения, внесенные новой реформой, касаются не только устраниния букв, но и некоторых флексивных форм, сложных и устаревших (-ия, -яго и др.). В этом случае, пишет Браун, был необходим компромисс, особенно при наличии такого множества диалектов, как в России, и поэтому в качестве образца было установлено литературное произношение. Кроме того, реформа регулирует некоторые колебания и непоследовательности, как, например, «ер» в конце слов. Браун подытоживает свои соображения в пользу новой реформы: «Надо помнить, что и в орфографии идеал вообще неосуществим: его не было никогда на деле, и не будет. Решающее значение имеет то, что новые правила проще и целесообразнее старых, — а в этом едва ли может быть сомнение. <...> Принять мы их должны. Вся учащаяся и служащая Россия <...> уже три года пишет по новой орфографии, привыкла к ней и, в огромном большинстве, оценила. Никто, я уверен, не смог бы заставить учащуюся молодежь вернуться к ненужным, а потому бессмысленным ять и еръ, от лучшего вернуться к худшему» [Там же].

Рассмотрим теперь позицию Николая Кульмана, непосредственного участника в работах по реформе. Кульман активно занимался педагогикой и в 1900-е гг. опубликовал ряд пособий по методике и истории русского языка. В эмиграции он продолжает свою языковедческую и педагогическую деятельность: преподает сначала в лицеях Парижа, затем в Сорбонне. Изучение и преподавание русского языка в эмиграции приняло для Кульмана форму сохранения традиции, и этой цели посвящена его книга «Как учить наших детей русскому языку?» (Париж, 1932).

В качестве эпиграфов к статье «О русском правописании» (1923) Кульман выбирает цитаты из Бунина и Лескова, указывая, таким образом, направление своей аргументации. Его аргументация противоречива: как языковед Кульман, в сущности, не опровергает необходимость реформировать правописание, но как консервативно настроенный человек он решительно отвергает большевизм и введенные большевиками реформы. В обсуждении вокруг реформы, пишет Кульман, господствует много неосведомленности как среди противников, так и среди защитников. Например, утверждение, что существует разница в произношении букв «ять» и «е», как писали Вячеслав Иванов и поэт Константин Бальмонт, совершенно необоснованно. Стоит прочесть «Российскую грамматику» Ломоносова, чтобы в этом убедиться. Еще один пример: утверждение, что первые попытки реформировать русское правописание были приняты в Академии, является для Кульмана слишком «упрощенным». Цель своей статьи он

видит, таким образом, в выяснении данного вопроса: «Не подлежит сомнению, что рано или поздно наступит время, когда вопрос о правописании придется поставить ребром, и я, как член орфографической комиссии и подкомиссии, созданных в 1904 году Академией наук и выработавших основы упрощения правописания, считаю себя обязанным осветить его с возможной полнотой и общедоступностью» [Кульман 1923, с. 4].

Кульман, как и Браун, отмечает несомненную условность обозначения знаков для звуков языка. Произношение, с другой стороны, является более сложным вопросом: язык живет и изменяется в разных его аспектах (значения слов, флексия, синтактические обороты и т. п.). Здесь помогает «традиция», исторический принцип: «...время, литература и школа успевали вырабатывать известную привычку, традицию писать соответственно прежнему произношению слов» [Там же, с. 5–6].

Вопрос об упрощении правописания, рассказывает Кульман, возник в 1903 г., когда Педагогическое общество при Казанском университете обратилось в Отделение русского языка и словесности Академии наук по поводу правил, установленных еще в XIX в. академиком Яковом Гротом. «Русское правописание» Грота являлось официальным и обязательным учебником для преподавания в школах. Казанское Педагогическое общество указывало на некоторые его несоответствия, на его обветшание, на необходимость его пересмотра. Академия ответила, что она «...не могла бы представить принципиальные возражения против мысли о желательности заменить правописание академика Грота другим, более простым и более систематичным» [Там же, с. 8].

Кульман, как и Браун, пишет, что нужно было заключить какой-то компромисс между двумя принципами — фонетическим и историческим. Академия, продолжает он, не возражала против удаления «...излишнего, искусственно сложного, случайного, противоречивого» в предписаниях Грота. Но, с другой стороны, академики «...ни в коем случае не могли бы привести к той системе, которая теперь называется новым правописанием» [Там же]. Кульман считает, что вопрос о реформе назрел еще в 1904 г., когда «...в старой орфографии многие стали видеть один из способов, которым правительство держало народ в темноте» [Там же, с. 9]. Особенно это оносилось к «сельским учителям» — для них сложность правописания являлась большим препятствием преподаванию. Тогда была создана комиссия из пятидесяти человек, в которую вошли языковеды, литературоведы, представители школы и периодической печати. Появились две позиции: одна, более умеренная, представлена А. Шахматовым, вторая — Ф. Фортунатовым, но в целом единогласно было решено упростить русское правописание (например, устраниТЬ четыре буквы: «фиту», «ер», «и десятеричное» и «ять»). Была образована еще и подкомиссия, в которой участвовали такие крупные ученые, как А. Соболевский, Ф. Фортунатов, А. Шахматов, И. Бодуэн де Куртенэ, П. Сакулин и сам Кульман, но их «Предварительное сообщение» в мае 1904 г. встретило несогласие и возражения «буквально со всех концов России». «Громадное большинство русского культурного общества подобной реформе не сочувствовало (курсив Н. Кульмана. — М.В.)» [Там же, с. 11], продолжает Кульман, и тогда проект остал-

ся в архиве. Подкомиссия не собиралась до 11 мая 1917 г., когда была вызвана министром народного просвещения Герасимовым. Ее председателем стал Шахматов, остальные члены менялись. Сам Кульман выступил против реформы, и только немногие поддержали его. Никакой дискуссии не было, Академия молчала. «Реформа была принята в атмосфере революционного кипения и при помощи революционных методов, — рассказывает Кульман. — Хотя я был всегда убежден в необходимости упростить и упорядочить грамотское правописание, однако такая расправа с общей системой русской орфографии заставила меня выступить в печати против мануйловского циркуляра <...> новая орфография, совершенно не будучи академической, стала большевицкой» [Кульман 1923, с. 12].

Защитники реформы, пишет Кульман, ссылаются на авторитет Шахматова как ее инициатора, который позже переосмыслил свою позицию. Кульман рассказывает об их встрече в Петрограде в июне 1918 г. и приводит слова Шахматова: «А знаете, в том, что происходит, отчасти и мы виноваты. Заседание, в котором мы приняли новую орфографию, было по настроению большевицким. Вы были правы, назвавши циркуляр Мануйлова приказом № 1. Мы тоже разрушители» [Там же, с. 13].

В заключении Кульман резюмирует возражения против реформы: во-первых, «никто не имеет права насильственно производить изменения в системе установленной орфографии»; во-вторых, «в реформе нет никакой настоятельной надобности»: сложность правописания связана не с ней самой, а с неправильной методикой преподавания; в-третьих, «реформа неразумна» без перепечатывания всех классиков. Эти высказывания не все бесспорные, но важно, по Кульману, одно: «Крутая и насильственная ломка правописания в стране с богатым литературным наследием — недопустима» [Там же, с. 13–14].

Следом за решительным осуждением реформы Кульман приводит некоторые лингвистические соображения о ее научности. Здесь он совсем не опровергает сущность изменений: например, писать «ее» вместо «я» вполне допустимо, ничего не меняется. Но еще раз апеллирует к надобности сохранения традиции: «... правописание — часть нашей культуры, неотъемлемая часть нашей литературной истории» [Там же, с. 14]. Утверждение Брауна, что уже нельзя делать шаг назад, по мнению Кульмана, является неубедительным, раз по старой орфографии писали 150 лет. «Проще», он продолжает, не значит «правильнее», и еще раз повторяет, что упрощение алфавита и правописания только дисквалифицирует уровень школьного обучения. Выводы Кульмана следующие: «Для кого “новая” Россия начинается с большевиков, тот, само собой, должен защищать и новое правописание, один из их атрибутов, но, кто не с большевиками, тот должен старую орфографию оберегать» [Там же, с. 15].

Работы Н.К. Кульмана и Ф.А. Брауна являются, без сомнения, интересными документами как для истории русской культуры, так для истории русского языкоznания. Они свидетельствуют о том, что и в эмиграции были разные отношения к так называемой новой России. Если работы Кульмана о методике преподавания русского языка до сих пор считаются очень современными и используются в вузах, то его позиция в дискуссии о правописании является крайне консервативной

и чисто политической. Позиция Брауна, наоборот, более умеренна и, в сущности, очень актуальна с чисто языковой точки зрения. Восстановить полную картину вопроса о реформе — это дело будущего. Споры об орфографии представляют собой интересную страницу истории русской культуры в эмиграции.

Литература

- Браун 1921 — *Браун Ф.* Новая орфография // Руль. 1921. 10 мая (27 апр.). № 143. С. 2–3.
- Бунин 1935 — *Бунин И.* Окаянные дни // *Бунин И.* Собр. соч.: в 11 т. <Берлин:> Петрополис, 1935. Т. 10.
- Бунин 1988 — *Бунин И.* Публицистика 1918–1953 годов / под ред. О.Н. Михайлова. М., 1988.
- Иванов 1976 — *Иванов Вяч.* О русском языке (Два отрывка) // Границы. 1976. № 102.
- Иванов 1991 — *Иванов Вяч.* Наш язык // Вехи. Из глубины / сост. и подгот. текста А.А. Яковлева; примеч. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова, А. Келли. М., 1991. С. 354–360.
- Кульман 1923 — *Кульман Н.* О русском правописании // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 3–16. (Отд. оттиск).
- Лихачев 1993 — *Лихачев Д.С.* Статьи ранних лет. Тверь, 1993.